

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

I.

Письма его къ князю В. О. Бебутову.

Кавказъ давно уже считается боевою школою, изъ которой вышли такіе дѣятели, которые успѣли съ честью заявить о себѣ не одной Россіи, но и предъ лицомъ всей Европы. Одно изъ видныхъ мѣстъ на страницахъ новѣйшей военной исторіи этого края, безспорно принадлежитъ кн. Василю Осиповичу Бебутову. Недалеко ушло отъ насъ то время, — время послѣдней войны нашей съ союзниками, когда реляціи, оповѣщавшія о блистательныхъ побѣдахъ нашихъ въ Азіятской Турціи, то-и-дѣло повторяли имя кн. Бебутова, какъ вождя нашихъ войскъ при Баш-Кадыкларѣ и Кюрукдара.

Прослѣдимъ, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, предшествующую, служебную дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка. Происходя изъ древней, почетной армянской фамиліи и получивъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ на 19-мъ году, въ чинѣ прапорщика Херсонскаго гренадерскаго полка, началъ военную службу въ 1809 году, при главнокомандовавшемъ на Кавказѣ ген.-отъ-кав. А. П. Тормасовѣ. Въ слѣдующемъ 1810 году мы его уже видимъ въ походѣ на Ахалцыхъ, съ котораго собственно начинается боевое его поприще, которое, прерываясь иногда по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ на довольно продолжительное время, имѣло крайнимъ своимъ предѣломъ 1854 годъ. Въ 1812 году кн. Василій Осиповичъ, вмѣстѣ съ маркизомъ Паулуччи, смѣнившимъ ген. Тормасова и лишь нѣсколько мѣсяцевъ управлявшимъ Закавказьемъ, оставилъ этотъ край и отправился въ Курляндію, гдѣ принималъ участіе въ преслѣдованіи непріятеля, бывшаго подъ командою маршала Макдональда, изъ Риги къ Мемелю и въ занятіи этого города. Въ 1816 году, онъ, состоя поручикомъ лейб.-гвардіи въ семеновскомъ полку (съ 1813 года), былъ назначенъ адъютантомъ къ А. П. Ермолову, котораго и сопровождалъ во время чрезвычайнаго посольства его въ Персію. Поступивъ подъ непосредственное начальство Ермолова, кн. Бебутовъ выработалъ въ себѣ тотъ военный талантъ, который поставилъ имя его на ряду съ знаменитѣйшими военными дѣятелями на Кавказѣ. Въ 1819 году онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ качкальковъ, затѣмъ, при разбитіи Акушинцевъ у сел. Лаваша и при покореніи Акушинской области; а въ 1820 году, при пораженіи горцевъ у сел. Хозрекъ и покореніи Казикумьскаго ханства. Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1825 г., кн. Василій Осиповичъ былъ назначенъ командующимъ 3-й бригадой 22-й пѣ-

хотной дивизіи и управляющимъ Имеретіей, гдѣ и оставался до 1827 года. При графѣ Паскевичѣ, преемникѣ Ермолова, онъ, будучи уже въ чинѣ ген.-майора и состоя при начальникѣ 22-й пѣхотной дивизіи, принималъ дѣятельное участіе въ 1828 году, при разбитіи 30 т. турецкаго корпуса, подъ предводительствомъ 3-х-бунчужнаго Коса-Мегмед-паши и Мустафа-паши, а также при осадѣ и взятіи кр. Ахалцыха. За оказанное въ семь дѣлѣ отличіе, кн. Василій Осиповичъ былъ пожалованъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и алмазными украшеніями. Назначенный около этого-же времени начальникомъ только-что покореннаго Ахалцыхскаго пашалыка, онъ въ 1829 году находился при оборонѣ ахалцыхской же крѣпости противъ 20 т. неприятельскаго корпуса, подъ начальствомъ Ахмедъ-паши Аджарскаго и преслѣдованій неприятеля. По окончаніи турецкой кампаніи, кн. Василій Осиповичъ въ февралѣ 1830 года былъ назначенъ начальникомъ Армянской области, которая образовалась изъ бывшаго Эриванскаго ханства, отомедшаго къ Россіи по Тюркменчайскому трактату, заключившему послѣднюю войну нашу съ Персіей. Спустя ровно 12 лѣтъ, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Замостье, откуда, въ чинѣ ген.-лейтенанта, въ февралѣ 1844 года, перемѣненъ на постъ командующаго войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ. Участвуя здѣсь во всѣхъ походахъ противъ лезгинъ, онъ въ особенности ознаменовалъ себя побѣдою, одержанною въ октябрѣ 1846 года надъ 6 т. скопищемъ лезгинъ, предводимыхъ Шамилемъ, при сел. Кутиши, въ Даргинскомъ округѣ, за что былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Въ концѣ 1847 года, кн. Василій Осиповичъ оставилъ Дагестанъ и до поры до времени какъ бы распрощался съ тревожною боевою жизнію: по указанію бывшаго намѣстника, покойнаго ген.-фельдмаршала кн. Воронцова, на него возложено званіе начальника гражданскаго управленія и предсѣдателя совѣта того же управленія Закавказскимъ краемъ. На этомъ административномъ поприщѣ кн. Бебутовъ выказалъ себѣ не менѣе опытнымъ дѣятелемъ. Это продолжалось до исхода 1853 года, когда вспыхнула война Россіи съ союзными державами, которая снова вызвала его на первое поприще дѣятельности; онъ былъ назначенъ командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ. Въ этомъ званіи онъ одержалъ, 19-го ноября 1853 года, знаменитую побѣду надъ 36 т. корпусомъ турецкой арміи, подъ предводительствомъ сераскира Абди-паши при Баш-Кадыкларѣ, за что получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса. 24-го іюля слѣдующаго 1854 года онъ, при сел. Кюрюк-дара, снова разбилъ 60 т. турецкій корпусъ, предводительствуемый муширомъ Зариф-Мустафа-пашею. Кюрюк-даринская побѣда довершила военную славу кн. Василія Осиповича и вмѣстѣ съ тѣмъ была послѣднимъ его дѣломъ. Рассказываютъ, что когда въ Петербургъ пришло извѣстіе объ этой побѣдѣ, императоръ Николай выразился: «кн. Бебутовъ хочеть удивить меня побѣдой, удивлю же я его наградою». И дѣйствительно, кн. Василій Осиповичъ, будучи въ чинѣ ген.-лейтенанта, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго— награда рѣдкая и почти безпримѣрная въ томъ чинѣ, какой имѣлъ въ то время кн. Бебутовъ.

Съ прибытіемъ, въ началѣ 1855 года, на Кавказъ ген. Муравьева, принявшаго личное командованіе надъ корпусомъ, долженствовавшимъ дѣйствовать въ предѣлахъ Азіатской Турціи, кн. Василію Осиповичу было ввѣрено управленіе гражданскою частію на Кавказѣ и Закавказьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на

него же возложено командованіе войсками отдѣльнаго кавказскаго корпуса, невходившими въ составъ дѣйствующаго корпуса.

Въ намѣстничество кн. А. И. Барятинскаго, кн. Василій Осиповичъ хотя и былъ произведенъ въ полные генералы съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта, но уже не принималъ прежняго активнаго участія въ высшей служебной сферѣ, а дѣломъ 1857 года впервые почувствовалъ симптоми той тяжелой болѣзни, которая въ мартѣ 1858 года низвела его въ могилу на 68 году жизни. Онъ скончался отъ рака въ желудкѣ.

Обращаясь къ личнымъ качествамъ кн. Бебутова, скажемъ, что онъ обладалъ свѣтлымъ и гибкимъ умомъ и вообще тѣми счастливыми способностями, благодаря которымъ онъ успѣлъ изучить край, которому посвятилъ всю свою служебную дѣятельность. Основательному же знанію мѣстныхъ языковъ, а главное, своей доступности и крайне деликатному обращенію со всѣми, вступавшими съ нимъ въ какое-либо сношеніе, онъ былъ обязанъ тою популярностью, которую приобрѣлъ не только среди туземнаго населенія, но и въ средѣ мѣстныхъ съ Кавказомъ державахъ, Персіи и Турціи, гдѣ его знали подъ именемъ кн. Бебута. Личныя отношенія кн. Василія Осиповича къ главнымъ начальникамъ въ край обуславливались рѣдкимъ умѣньемъ его сообразовать свои дѣйствія съ обстоятельствами даннаго времени и принаравливать къ отдѣльнымъ характерамъ, и по наружности казались самыми благоприятными. Но были-ли они настолько же искренни и вытекали-ли изъ взаимнаго сердечнаго расположенія,—это вопросъ другой, затрогивать который я здѣсь считаю неудобнымъ. Обращаясь собственно къ А. П. Ермолову—этой свѣтлой и знаменитой личности въ новѣйшей военной исторіи Кавказа, я позволяю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительности того расположенія къ кн. Бебутову, которымъ преисполнены приводимыя ниже письма. Предположеніе свое я основываю на томъ простомъ фактѣ, что кн. Бебутову едва-ли бы удалось удержаться при гр. Паскевичѣ, безъ явнаго ущерба въ своемъ служебномъ положеніи, если бы онъ, по всей вѣроятности, не поколебался хотя нѣсколько въ своихъ чувствахъ къ бывшему начальнику, котораго неприязнь къ предънику ни для кого не составляетъ тайны. Подобное же поведеніе, со стороны бывшаго подчиненнаго, никогда не могло скрыться отъ Алексѣя Петровича, какъ таковаго человѣка, который почти никогда не ошибался въ знаніи людей, особенно людей столь близкихъ къ нему, какъ нѣкогда кн. Василій Осиповичъ. Но каковы бы ни были эти чувства, онъ не уменьшаютъ интереса писемъ, вѣгдѣ за симъ помѣщаемыхъ.

Ад. П. Верже.

1.

Отъ 8 мая 1846 г.

Письмо это, почтенный кн. Василій Осиповичъ, представить тебѣ Орловъ, просившійся служить на Кавказѣ, молодой человѣкъ похвальнѣйшихъ свойствъ. Онъ внукъ родной Раевскаго, знаменитаго въ войну отечественную, и племянникъ нынѣшняго графа А. Ѳ. Орлова. Прими его благосклонно и, сколько отъ тебя зависѣтъ будетъ, способствуй ему быть въ дѣйствіи противъ горцевъ такимъ образомъ, чтобы не остался онъ непримѣтнымъ. Онъ въ семьѣ сынъ единственный, но ближніе его знаютъ, что онъ служить будетъ съ усердіемъ

и на чистоту. Ты, конечно, удивляешься, что я прошу объ немъ, когда имѣть онъ дядю могущественнаго. Точно, дядя его очень любить и отъ души порадуется его успѣхамъ, но не сдѣлаетъ ничего излишне скоро и ему пріятно будетъ, чтобы онъ достоинъ былъ вниманія. Мать его узнавши, что нѣкогда ты былъ моею собственностью, просила меня рекомендовать его именно тебѣ и просить, чтобы имѣлъ великодушіе не отказать ему въ полезныхъ наставленіяхъ, особенно въ первый разъ поступающему на дѣйствительную службу въ странѣ ему неизвѣстной. Если случится ему быть подъ командою начальниковъ, тебѣ хорошо знакомыхъ, обрати на него вниманіе ихъ. Привыкъ вѣрить, что ты не безъ собственнаго удовольствія дѣлаешь мнѣ пріятное и потому насчетъ юнаго ратоборца я совершенно покоенъ.

Забылъ я, но кажется, я просилъ тебя о молодомъ человѣкѣ, Василии Кучинѣ, который, помнится, долженъ быть унтеръ-офицеромъ Апшеронскаго полка. Желалось бы мнѣ, чтобы онъ поступилъ въ офицерскій чинъ. Отецъ его, лѣтъ 45 назадъ, былъ со мной въ одной конно-артиллерійской ротѣ и мы жилали вмѣстѣ. О юношѣ имѣлъ попеченіе храбрый Пассеъ, но слишкомъ скоро лишился онъ единственнаго своего покровителя.

Теперь сближается время, въ которое ты менѣ будешь имѣть свободнаго времени, но если представится оное, хотя изрѣдка увѣдомляй меня о происходящемъ съ тобою и о моихъ Казикумьскихъ рыцаряхъ, которые, кажется, попадутъ нынѣшнее лѣто въ готовящуюся экспедицію. Ты, любезный Сципionъ, большую сдѣлалъ имъ милость, поручивъ ихъ вниманію ихъ начальнива. Говорю я объ экспедиціи, совершенно никакихъ не имѣя свѣдѣній, но единственно повторяю можетъ быть и пустые слухи. Если же такъ, при Воронцовѣ, надѣюсь, все будетъ исполнено согласно съ его распоряженіями. Можетъ быть и моимъ сиротамъ дастъ Богъ счастье! Буду радъ успѣхамъ ихъ и въ особенности Севера, въ которомъ вижу гораздо менѣ наклонности къ военной службѣ. Для Клавдія это настоящее назначеніе и если онъ будетъ живъ, не сомнѣваюсь, сдѣлаетъ себѣ дорогу. Если бы удалось Северу достигнуть награды, дающей право дворянства, тотчасъ вонъ изъ службы. Недалеко время, что мнѣ старику нужна будетъ подпора и хозяинъ для сохраненія небогатаго достоянія братьевъ его. Впрочемъ воля Божія!

Прощай. Чувства дружбы моей къ тебѣ всегда постоянны, имъ соразмѣрно мое уваженіе. Будь счастливъ—преданный Ермоловъ.

Сбоку приписка. Замѣтишь мѣста гадко написанныя; это я безсовѣстно дремалъ.

2.

Сентябрь 1846 г.

Почтенный князь Василий Осиповичъ. Между прочими и до меня дошли слухи о счастливомъ сраженіи съ горцами кн. Аргутинскаго *) и, вѣроятно, хорошемъ, ибо не было разнорѣчивыхъ сужденій.

Одинъ изъ пріѣзжихъ съ Кавказа говорилъ мнѣ, что знатные господа, прапорщики Ермоловы удостоены милостиваго отзыва ихъ начальника, а къ большому еще удовольствію моему знакомый мнѣ, пріѣхавшій изъ Петербурга, имѣлъ отъ кн. Долгорукова, начальника штаба его высочества генераль-фельдцейхмейстера, порученіе сообщить мнѣ, что они кн. Аргутинскимъ представлены какъ отличившіеся и онъ особенно отзывается о нихъ благосклонно.

Боялся я прежде Казикумыка, который имѣлъ славу страны самой не здоровой; но если обдержались мои юноши, то, конечно, нѣтъ лучшаго назначенія для служащихъ безъ покровительства. Когда на другихъ пунктахъ можетъ продолжаться бездѣйствіе, тутъ сметливый начальникъ всегда имѣетъ возможность возобновлять успѣхи, покоряя распоряженіе собственному произволу и времени собственно избранному, не вводя дѣйствіе въ общую связь плана. Этими преимуществами пользуется одинъ кн. Аргутинскій, и пользуется, конечно, весьма искусно.

Жизнь моя лѣтомъ въ деревушкѣ, которую ты, любезная собственность, одинъ разъ посѣтилъ, причиною, что проѣзжавшихъ съ Кавказа многихъ видѣть мнѣ не удалось, а потому и не богатъ я свѣдѣніями; впрочемъ всегда попадалъ на радостныхъ вѣстниковъ о водворяющемся спокойствіи, о томъ, что между горцами примѣтно охлажденіе къ Шамилю, что тягостна имъ звѣрская его власть и при всякомъ случаѣ обнаруживается уменьшеніе къ нему довѣренности. Это, конечно, утѣшительно, если рѣшаешься тому повѣрить. Я изъ числа тѣхъ, которыхъ довѣренность не поколеблется даже отъ слуховъ, будто Шамиль явился предъ Везапною и будто чрезъ форштадтъ. Не понимаю гдѣ могъ онъ пройти съ артиллеріею, когда вблизи ужащающее укрѣпленіе при Чирь-Юртѣ, когда неподалеку прибывшій нижегородскій драгунскій полкъ, который назвать можно окрыленными войскомъ, не долженствующимъ терпѣть горцевъ на Кумыкской плоскости. Неужели возможно противустать десяти эскадронамъ, которыхъ ведетъ удалый полковникъ? Я помню, какъ смѣшны были горцы конные; ты самъ вспомнишь, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли

*) Ген.-л. кн. Моусей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгоруковъ, впоследствии ген.-ад., былъ въ это время командующимъ войсками въ южномъ Дагестанѣ; онъ скончался 20 февраля 1855 года въ Тифлиси.

А В.

на нихъ при селеніи Лаваши наши карабагцы. Развѣ была у насъ въ послѣдствіи особенная заботливость учить ихъ верховой ѣздѣ и они равную обнаруживали способность, какъ и къ дѣйствию артиллеріею? Не знаю, какъ не усматриваютъ этой добродѣтели въ генералѣ Головинѣ? Съ его времени горцы считаютъ блистательные ихъ успѣхи, и происшествія при Нейдгардтѣ были только необходимымъ слѣдствіемъ удачнаго начала, сдѣланнаго первымъ.

Приложенное письмо, сдѣлай дружбу, отошли Аргутинскому, но прежде его прочитай и положи свою печать.

Юношей моихъ имѣй въ своемъ благоволеніи и поручи ихъ благо-расположенію ихъ начальника. Ты, по родству, въ семь случаевъ болѣе нежели кто-либо подвѣствовать можешь, а онъ имъ все сдѣлать въ состояніи.

Прощай, желаю отъ души возможнаго тебѣ счастья, и почему же бы оно должно другимъ болѣе благопріятствовать? Цѣлую. Душевно преданный Ермоловъ.

3.

Отъ 27 сентября 1846 г.

Если еще не наскучилъ я тебѣ моими письмами, то, конечно, я этого достигну, ибо рѣдкій разъ не обременяю я при томъ моими порученіями, которыя и всегда непріятны, а еще болѣе при твоихъ занятіяхъ. Но объ этомъ послѣ, а начну принесеніемъ благодарности за юношей, которые, восхваляя твое милостивое къ нимъ расположеніе, можно сказать, хвастаютъ имъ предо мною, не скрывая однакоже, что имъ бываетъ иногда головомытіе. Таковому рѣдко, конечно, подвергается Северъ, какъ несравненно болѣе осторожный, но тотъ у меня великій гайдамакъ и если не свернуть ему голову, заставитъ себя замѣтить. Меня увѣряетъ, что дѣлается благоразуміе и что впредь шалостей дѣлать уже не будетъ. Кажется въ полномъ убѣжденіи, что я положусь на слова его. Но чтобы не оставить его въ заблужденіи, я представляю ему, что отнюдь ничему не вѣрю и на сей разъ все обошлось дружелюбно и безъ брани.

Какъ догадливо я сдѣлалъ, пославши черезъ тебя письмо кн. Аргутинскому. Дѣти мнѣ пишутъ и особенно Северъ, что онъ чрезвычайно къ нимъ милостивъ и внимателенъ. Это, право, великодушно съ его стороны и они, можно сказать, счастливы, что онъ взялъ ихъ подъ свое покровительство, когда у нихъ никакого не бывало. Теперь я нисколько не жалѣю, напротивъ чрезвычайно радъ, что они находятся при войскахъ подъ его начальствомъ, чего для нихъ лучше ничего случиться не могло. Ты, любезный Сципіонъ, и первый и, конечно, болѣе благодѣтель ихъ, не переставай давать имъ наставленія и под-

тверди съ своей стороны, чтобы всячески старались угодить кн. Аргутинскому, и такъ, чтобы онъ былъ ими доволенъ. Северъ пишетъ мнѣ, что онъ здоровъ, но что такъ усталъ, что находить нужнымъ отдохнуть и просить моего позволенія проситься зимою въ отпускъ въ Тифлисъ. Я на это согласился, но писалъ ему, чтобы безъ воли начальника своего не приступалъ ни къ чему. Замолви отъ себя слово кн. Аргутинскому и скажи ему, что во всей силѣ чувствую его милости сиротамъ моимъ.

Теперь вооружись терпѣніемъ и выслушай самую скучную часть письма. Это просьба—переслать деньги и письма моимъ юношамъ. Я посылалъ-бы два раза въ годъ, но въ накладѣ будетъ одинъ Северъ, ибо Клавдій, промотавши свое, не упустилъ его пощипать, а для Виктора надобны перуанскіе рудники.

Здѣсь есть много торгующихъ армянъ и я буду стараться сдѣлать такъ, чтобы я могъ отдавать здѣсь деньги, а чтобы юношамъ тамъ были выдаваемы. Подобные переводы были бы гораздо удобнѣе и мнѣ не совѣстно было бы терзать Сципіона...

Доставляя юношамъ деньги, если неловко передать ихъ чрезъ кн. Аргутинскаго, то избранному тобою лицу поручи, чтобы отдавалъ ихъ Северу, а не Клавдію, когда они вмѣстѣ.

Препровождаю у сего денегъ 340 р. с., раздѣляя ихъ поровну на каждыя изъ двухъ.

Прощай, любезнѣйшій другъ и нѣкогда моя собственность; сохрани мнѣ прежнюю дружбу, которую я цѣнить умѣю. Душевно преданный Ермодовъ.

4.

Отъ 3 октября 1846 г.

Получилъ письмо твое отъ 15 сентября, почтенный кн. Василий Осиповичъ, и всякій разъ что имѣю о тебѣ извѣстія, я радъ душевно.

Разумѣю заботливое твое начальствованіе и желаю, конечно, не того, чтобы ты долго въ немъ остался, но тебя удерживаетъ кн. Воронцовъ, конечно усмотрѣвши, сколько ты надобенъ ему въ этомъ мѣстѣ.

Знаю тебя какъ собственность; слѣдовательно какъ человѣка не любящаго праздности, а сами обстоятельства высказываютъ дѣятельность твою и распорядительность. Для этого довольно было происшествія въ Евгеньевскомъ укрѣпленіи, и какъ оно скоро было возобновлено. Теперь озабочиваетъ тебя нижегородскій драгунскій полкъ, и кн. Воронцовъ долженъ быть покоенъ. Мнѣ приходитъ въ голову, что не взирая на охраненіе полкомъ Кумыкскихъ владѣній, тяжело

казаться будетъ жителямъ пребываніе его, по причинѣ потребности для него пространныхъ сѣнокосовъ, неминуюмо стѣсняющихъ табуны и стада. Впрочемъ, по долговременности отсутствія я могу говорить вздоръ и самъ этому вѣрю. Шамиля никакія неудачи не смиряютъ и ты говоришь, что онъ готовится на попытку. Лишь бы это не было на Кахетію, гдѣ проводникомъ будетъ Елисуѣйскій измѣнникъ *). А тамъ надѣлать суматохи возможно....

Отъ души благодарю за милостивое вниманіе къ моимъ сиротамъ. Это истинное благодареніе! Удивляюсь, что у васъ нѣтъ вѣрнаго сообщенія съ вн. Аргутинскимъ и что только по возвращеніи отряда на зимнія квартиры ты перешлешь хранящіяся у тебя 360 р. с. Къ этому огромному капиталу за текущую треть я еще отправилъ къ тебѣ 340 р. с. субсидіи. Для такихъ сокровищъ можетъ Шамиль предпринять покушеніе; будь остороженъ!

Ты, почтенный Василеосъ, служилъ офицеромъ и вѣрно не болѣе имѣлъ средствъ сверхъ жалованья. Вразуми ихъ, что при бережливости можно существовать не допуская большой нужды. Это понимаетъ одинъ Северъ и писалъ мнѣ, что сдѣланное мною положеніе находить достаточнымъ и долговъ не дѣлаетъ. Другіе этого не понимаютъ!

Отъ дѣтей письмо отъ 29 іюля получилъ и былъ обрадованъ, что они обратили на себя вниманіе кн. Аргутинскаго. Они отъ него въ восхищеніи! Надобно ожидать, что Шамиль не оставитъ его въ покоѣ.

Еще повторю мою просьбу: не стѣсняй себя Северомъ, не представляй его въ адъютанты, еслибы онъ и получилъ чинъ. Ему полезно послужить во фронтѣ, а то могутъ думать, что я проискивалъ его укрыть отъ трудностей. Когда будетъ у тебя болѣе адъютантовъ, мы съ тобою, любезный другъ, потолкуемъ.

Будь здоровъ; увѣдомляй меня обо всемъ, что можетъ случиться тебѣ пріятнаго. Новости до насъ доходятъ. Благодарю за Кучина; я послалъ старику отцу высочайшій приказъ. Я служилъ съ нимъ въ въ одной ротѣ назадъ тому 45 лѣтъ.

Будь здоровъ и благополученъ. Я всегда одинаково и уважаю и люблю тебя. Преданный Ермоловъ.

5.

Отъ 24 ноября 1846 г.

Почтенный вн. Василій Осиповичъ. Пріятно и весьма легко хвалить происшествіе, когда оно достойно похвалы, какъ успѣхъ тобою

*) Даниель-бекъ, султанъ Елисуѣйскій, скончавшійся въ 1871 году, въ Константинополѣ.
А. В.

приобрѣтенный надъ неприятелемъ *), но въ семъ случаѣ не рѣшаюсь опредѣлить болѣе ли достоинства заключается въ самой побѣдѣ, которая, конечно, будетъ имѣть важныя послѣдствія, или въ предприимчивости и рѣшительности генерала, неустрашившагося отвѣтственности. Я склоняюсь на сторону послѣдняго и тебя отъ души поздравляю. Ты можешь представить, какъ я былъ обрадованъ и я въ это чувство вмѣшалъ нѣсколько грановъ собственной гордости. Но для этого необходимо истолкованіе и вотъ оно:

Довольно вѣроятно, что мнѣ могло быть пріятно, что блистательнымъ образомъ отличился генералъ, бывшій моимъ адъютантомъ, что на трудное предпріятіе рѣшился онъ съ такимъ числомъ войскъ, съ каковымъ давно уже не пускался ни одинъ изъ самыхъ прославленныхъ начальниковъ вашего края, или по крайней мѣрѣ не оставилъ памятника столько увѣнчаннаго предпріятія. Но еще чѣмъ порадовалъ ты меня, любезный князь, что главная сила твоего отряда состояла изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, кабалитическаго числа, которому въ давнія времена принадлежало не мало успѣховъ.

Въ продолжительное пребываніе мое на Кавказѣ, весьма часто менѣе, но никогда болѣе 6 баталіоновъ не водилъ я съ собою. Но когда пошелъ въ Агушу, число моихъ войскъ несравненно превосходило твой отрядъ и довольно сказать, что было 30 полевыхъ орудій и между ними 6 батарейныхъ. У меня сохранилась подлинная строевая записка за подписаніемъ маіора Грекова (Михаила, ширванскаго полка), который отправлялъ должность окружнаго штаб-офицера. Тогда было однихъ рядовыхъ всякаго рода войскъ, съ казаками вмѣстѣ, но безъ унтер-офицеровъ, 7,000 чел.

Ты воскресилъ прежнюю неустрашимость войскъ и съ прежнею малою утратою. Давно уже и во многихъ случаяхъ важность происшествій опредѣлялась количествомъ потери и времени. Въ этомъ отношеніи знаменитѣйшія безпрекословно принадлежатъ генералу Головину, который однако-же допускалъ мысль, что для поправленія дѣлъ послѣ генерала Нейдгардта, онъ приглашенъ будетъ. Не прими это за шутку съ моей стороны.

Ты, любезный другъ, конечно, еще болѣе приобрѣлъ уваженія твоего главнокомандующаго и онъ тотчасъ, при собственноручной запискѣ, прислалъ мнѣ отдаленный приказъ по войскамъ. Конечно, не уменьшится число завидующихъ тебѣ, но уже труднѣйшими сдѣлаются интриги тѣхъ, кои желали имѣть твое мѣсто, и я радъ, для поль-

*) Рѣчь идетъ о дѣлѣ при сел. Кутиши, въ Сѣверномъ Дагестанѣ. А. В.

зы службы, что тебѣ оставить его уже неловко и невозможно. Въ этомъ Воронцовъ не потеряетъ.

Извѣстіе о твоей побѣдѣ принято въ Петербургѣ съ восхищеніемъ и въ обществѣ непрерывный о ней разговоръ. Я только двое сутокъ пріѣхалъ изъ деревни, но успѣлъ уже выслушать странную молву, которою обвиняютъ кн. Аргутинскаго, что онъ не вспомоществовалъ тебѣ дѣйствіями съ своей стороны. Не знаю гдѣ источникъ этой молвы, но говорятъ, что наша газета дала поводъ этому заключенію.

Еще разъ повторю мое поздравленіе тебѣ, любезный князь, и съ душевною радостію скажу: слава Богу!

Какъ я доволенъ былъ, что ты получилъ Георгія 3 степени. Другое всякое награжденіе придетъ по очереди: ихъ даже даютъ за долготерпѣніе и долготѣіе.

Продолжи благосклонность твою моимъ юношамъ. Они пишутъ мнѣ и въ особенности Северъ, что кн. Аргутинскій къ нему милостивъ во всей силѣ слова и ему благодаритъ. Напиши ему, что я это знаю и искренно благодарю его. По истинѣ я проникнуть чувствомъ признательности обоимъ вамъ. Но ты былъ нѣкогда моею собственностью, а онъ и не знаетъ меня.

Прощай. Будь благополученъ и меня люби по прежнему. Преданный Ермоловъ.

Р. S. Многие любопытствуютъ видѣть письмо твое, и я даю его прочитывать съ величайшимъ удовольствіемъ.

На особомъ лоскутѣ:

Прошу сохранить это въ тайнѣ.

Хотѣлъ сказать тебѣ, что мнѣ слогъ приказа по корпусу о твоей побѣдѣ показался не только не довольно краснорѣчивымъ, но къ досадѣ моей весьма холоднымъ. Хочу думать, что это случилось отъ того, что не было кому написать и отнюдь не съ намѣреніемъ.

Доволенъ ли ты приказомъ?

6.

Отъ 27 августа 1849 года.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ узналъ я о всемилостивѣйшей наградѣ тебя орденомъ св. Александра. Мнѣ сообщилъ это кн. Михайлъ Семеновичъ, увѣренъ будучи, что тѣмъ меня порадуешь. Это писалъ онъ мнѣ изъ Петербурга, а вчера лично подтвердилъ. Государь являетъ тѣмъ признательность къ отличному служенію вашему. Во множествѣ наградъ исходатайствованныхъ имъ я видѣлъ и генераль-лейтенантскій чинъ Белявскаго, недавно еще обратившаго негодование князя безпорядками, имъ произ-

веденными въ его командованіи и для поправленія которыхъ ты долженъ былъ скакать въ Имеретію.

О кн. Эрстовѣ *) онъ ничего не сказалъ мнѣ, зная что давно разумѣю я его сумасшедшимъ. Я могу быть равнодушнымъ, но не могу забыть подлости его при обѣдѣ, данномъ Паскевичу и Дибичу еще во время пребыванія моего въ Тифлисѣ. Обѣдъ знаменитый выставленною картиною сочиненія Ваньки Каина **), изображеніе которой кн. Эрстовъ объяснялъ съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, которое употребляетъ онъ при тостахъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ.

Ничего не сказалъ мнѣ о наградѣ ничтожнаго Реутта ***), который повторилъ плачь Іереміи въ стѣнахъ Шуши. Я не скрылъ отъ князя, что я разумѣю его совершенною мокрою курицею.

Пожалѣлъ я, что между множествомъ не нашелъ мѣста братъ Сергѣй Николаевичъ ****). Я ни слова не сказалъ о томъ князю, ибо давно видѣлъ его къ нему неблаговоленіе. Не вѣрю однако-же, чтобы всѣ за Кавказомъ ниспадающія награды непременно украшали людей достойнѣйшихъ его. Но Сергѣй Николаевичъ—Ермоловъ и потому долженъ умѣть терпѣть.

Прощай. Желаю тебѣ счастья и всегда постоянно уважать и любить буду. Ермоловъ.

7.

Отъ 24 ноября 1849 года.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Благодарю очень за увѣдомленіе о выѣздѣ брата Сергѣя Николаевича, который полѣнился мнѣ написать.

Увѣренъ, что ты пріязненно разстался съ давнимъ сослуживцемъ, по крайней мѣрѣ онъ отзывался мнѣ о твоёмъ къ нему добромъ расположеніи.

*) Впослѣдствіи генераль-отъ-инфантеріи и сенаторъ. А. В.

**) Подъ именемъ Ваньки Каина на Кавказѣ извѣстенъ нѣкто Коргановъ, изъ армянъ, впослѣдствіи полковникъ. Картина, о которой здѣсь упоминается, изображала эмблему правосудія; по мысли художника она означала, что правосудіе осудило Алексѣя Петровича на изгнаніе. Подъ картиною было выставлено мѣсяцъ и число смѣны Ермолова. Къ обѣду, данному Паскевичу и Дибичу, само собою разумѣется, Алексѣй Петровичъ приглашенъ не былъ.

А. В.

***) Іосифъ Антоновичъ Реуттъ, ген.-лейт., кавалеръ св. Александра Невскаго и членъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ, былъ родомъ изъ дворянъ Гродненской губерніи и всю службу посвятилъ Кавказу. Говоря о немъ, Алексѣй Петровичъ вспоминаетъ 1826 годъ, когда Реуттъ, въ то время полковникъ и командиръ гарнизона кр. Шуши, былъ осажденъ персіанами и просилъ о выручкѣ.

А. В.

****) Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ 2, ген.-маіоръ, Тифлисскій военный губернаторъ.

А. В.

Повторю выраженія твои: „кн. Михайлъ Семеновичъ исполнилъ „съ удовольствіемъ все то, что желалъ Сергѣй Николаевичъ предъ „своимъ отъѣздомъ“. Любопытенъ знать, въ чемъ это заключается. Мнѣ обѣщаль князь повторить на бумагѣ о томъ, что онъ обойденъ не одинъ уже разъ при производствѣ, какъ объяснялъ онъ въ бытность его въ Петербургѣ, гдѣ и обѣщано внести его въ приказъ къ 6 числу декабря. Я писалъ ему ко времени возвращенія его въ Тифлисъ, но не имѣю отвѣта. Теперь быдо бы уже поздно и потому прошу не говорить ему.

Смиралъ я сожалѣніе мое о томъ, что его обходили, думая, что таковы распоряженія свѣше, но видя, что произведенъ гораздо младшій въ чинѣ Белявскій и что князь не упомянулъ о Сергѣй Николаевичѣ, этого довольно, чтобы сообщить о немъ понятіе, какъ о недостойномъ. Можно-бы, кажется, обойтись безъ поврежденія его будущей службы, ибо не могу я допустить мысли, что при необыкновенномъ множествѣ щедро награждаемыхъ княземъ, непремѣнно всѣ были достойнѣе и способнѣе его. Если-бы таково было одно мое мнѣніе, то ничего бы не значило; тѣмъ, конечно, пренебрегать возможно, но есть и безпристрастные и разсудительные.

За Клавдія васъ не благодарю, ибо ему, за то, что не пишетъ, не выговоръ надобно было сдѣлать, а просто надлежало разругать, ибо онъ весьма много вамъ обязанъ. Могу за одно ручаться, что это не происходитъ отъ неблагодарности, а скорѣе отъ неловкости. Одолжите меня, задайте ему валау.

Сообщу вамъ молву московскую. Говорятъ, что князь просилъ себѣ въ помощники генерала отъ кавалеріи барона Остенъ-Сакена, который въ турецкой кампаніи былъ начальникомъ штаба у великаго полководца. Но вѣрное есть извѣстіе, что онъ назначенъ не будетъ, а будто кто-то изъ нѣмцевъ. Не знаю, какъ это понравится вашимъ главнымъ магнатамъ. Вѣроятно помощникъ будетъ княземъ употребляемъ для военныхъ дѣйствій, ибо присутствіе князя въ Тифлисъ болѣе необходимо съ нѣкотораго времени, въ особенности занимаясь внутреннимъ устройствомъ страны. Мы читаемъ въ газетахъ большія улучшенія по гражданской части.

Прошу представить мое почтеніе княгинѣ. Я чрезвычайно благодаренъ за то, что она меня вспомнила, но ты, любезный князь, забылъ, что я зналъ ее не въ ребячествѣ, но былъ у тебя на свадьбѣ. Прошу извинить, что я нескромно обнаруживаю лѣта ваши.

Прощайте, любезный князь; желаю вамъ возможныхъ успѣховъ. Покорнѣйшій слуга Ермоловъ.

8.

Отъ 20 ноября 1850 года.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Ваше письмо доставилъ мнѣ Лелли *), не мало удивившій меня, что не будучи знакомъ, даже пріѣхалъ въ мою деревушку. Это, конечно, сдѣлалъ онъ желая угодить вамъ. На мою долю досталась обязательная его вѣжливость какъ человѣка весьма умнаго, и я благодарю васъ за таковое знакомство. Я не отвѣчалъ вамъ на письмо зная сколько озабочены вы были пріятіемъ высокаго посѣтителя **). Здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, много имѣя занятій, осматривая всѣ отъ него зависящія части; успѣлъ однако-же, къ удивленію моему, даже мнѣ, неимѣющему счастья быть ему особенно извѣстнымъ, сказать какое пріятное онъ сохраняетъ впечатлѣніе всего того, что видѣлъ и до какой степени всѣмъ доволенъ. Войскамъ не находить другихъ подобныхъ, удивляется какъ они ходятъ, большимъ трудамъ при совершаемыхъ ими работахъ и всегдашней готовности къ бою, въ которомъ всегда являются молодцами. Хвалилъ благоустройство въ особенности Закавказскаго края, повсюду въ провинціяхъ мусульманскихъ совершенное спокойствіе и покорность, относя все къ неутомимымъ трудамъ и высокимъ достоинствамъ главнаго начальника. Все это выслушалъ я въ короткихъ словахъ, но въ тотъ же самый день, за большимъ весьма обѣдомъ, изволилъ онъ говорить обо всемъ съ большою подробностію и описаніе его исполнило любопытствомъ всѣхъ слушателей. Меня всѣхъ болѣе удивляли разнородныя собранныя имъ свѣдѣнія, особенно когда подумаешь о краткости времени. Свѣдѣнія эти не могъ онъ имѣть иначе какъ отъ васъ, и я знаю изъ самаго вѣрнѣйшаго источника о томъ отличномъ уваженіи, которое онъ къ вамъ имѣетъ. Его высочество не ошибся въ предположеніи, что край никто лучше васъ знать не можетъ, гдѣ вы, управляя многими прежде частями, наконецъ занимаете главную гражданскую должность.

Можно васъ поздравить со счастіемъ, которое допустило васъ сдѣлаться извѣстнымъ Наслѣднику. Я не говорю пустаго привѣтствія и не говорю безъ основанія.

Наслѣдникъ не могъ не знать, что я нѣкогда служилъ въ вашей сторонѣ, но мнѣ не трудно было замѣтить, что онъ свѣдѣнія эти дополнялъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Желалъ бы я знать, кто этотъ смѣлый человѣкъ, рѣшившійся дать ему понятія, что въ продолженіе

*) Константинъ Ѳеодоровичъ Лелли, дѣйств. ст. сов., управлявшій дипломатическою канцеляріею намѣстника кавказскаго. А. В.

***) Нынѣ царствующаго Государя Императора.

десяти лѣтъ не все дѣлалъ я глупости и безпорядки, чему, какъ самъ я замѣчалъ, вѣрили и долгое время и весьма охотно.

Прощайте, любезный князь Василий Осиповичъ. Не повторю бесполезно увѣреній въ моихъ чувствахъ, въ которыхъ вы не можете сомнѣваться. Душевно преданный Ермоловъ.

9.

Отъ 14 декабря 1850 года.

Любезный князь Василий Осиповичъ. Благодарю васъ за письмо, въ которомъ съ нѣкоторою подробностію описали путешествіе Наслѣдника Цесаревича, справедливо всѣми обожаемаго за ангельскую доброту его сердца.

Вы были ближе къ нему и болѣе времени нежели другіе и видѣть можете, что я ничего не сказалъ изъ лести. Онъ восхищенъ Кавказомъ, чрезвычайно доволенъ всѣмъ что видѣлъ; видно собственное его удовольствіе въ справедливой похвалѣ его. Къ вамъ особенное его вниманіе. Это удалось мнѣ узнать съ другой стороны и обстоятельно.

Я успѣшилъ предупредить васъ, любезный князь, письмомъ моимъ и слегка то же самое высказалъ.

Теперь у васъ въ Тифлисѣ праздникъ и я воображаю, какъ обрадованъ князь-намѣстникъ пожалованіемъ ордена княгини. Я разумѣю, сколько эта награда значительна, потому что Паскевичъ былъ уже 14 лѣтъ фельдмаршаломъ, когда жена его получила этотъ орденъ. Князь исходатайствовалъ также огромныя награды и во множествѣ своимъ подчиненнымъ и справедливо сказать можно, что никогда лести и выгоды служба не бывала и память о его начальствованіи останется вѣчною. А какъ между людьми совершенныхъ не бываетъ, то и награды ниспадаютъ не всегда на превосходныхъ, что впрочемъ не мѣшаетъ быть превосходительнымъ. Скажите мнѣ, не ошибаюсь ли я, полагая, что въ это званіе попалъ Джафаръ-Кули-ага, извѣстный измѣнникъ карабагскій? Радъ буду если я обманулъ.

Братъ мой Сергѣй Николаевичъ и теперь обойденъ въ чинѣ, уже въ третій разъ. Кто не убѣдится, сколько сильна рука могущественнаго намѣстника! Жалѣю только, что она отяготилась на человѣкѣ беззащитномъ.

Меня увѣряли, что и вамъ, любезный князь, желалось, чтобы князь Андрониковъ былъ Тифлискимъ губернаторомъ, слѣдовательно у мѣста удовольствіе мое, что онъ такъ скоро успѣлъ заслужить чинъ генералъ-лейтенанта.

Прошу продолжить мнѣ благорасположеніе ваше, а мое совершен-

ное почтеніе къ вамъ и преданность всегда постоянны. Вашего сіятельства, покорнѣйшій слуга Ермоловъ.

10.

Отъ 1 января 1851 г.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Я получилъ послѣднее письмо ваше отъ 8 декабря и съ особеннымъ удовольствіемъ перечитывалъ его какъ и прежде полученное, по любопытному содержанію обстоятельствъ, относящихся до путешествія Государя Наслѣдника.

Легко представляю себѣ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на всѣхъ вообще и въ особенности на тѣхъ, кои обращали на себя его вниманіе. Вы справедливо гордитесь счастьемъ, сдѣлавшись ему исключительно извѣстнымъ, и онъ, при желаніи его познакомиться съ прелестнымъ краемъ, отъ котораго онъ въ восхищеніи, не могъ не замѣтить, что вы лучше другихъ могли сообщить ему основательнѣйшія свѣдѣнія, занимая, по управленію имъ, важнѣйшее мѣсто и прежде начальствуя въ разныхъ его частяхъ. Не ускользнуло отъ замѣчанія его, что на большомъ пространствѣ путешествія его встрѣчаль мѣста, бывшія въ вашемъ управленіи. Имеретія, Ахалцихъ, Эриванъ и наконецъ Дагестанъ, столько во всѣхъ отношеніяхъ разнородные, сообщили ему точное понятіе о томъ, кому ввѣряемы они были въ разныя времена и властію не одного лица, слѣдовательно безъ пристрастія. Я не подношу вамъ букетовъ, а говорю на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній.

Радовавшись всѣмъ выслушаннымъ похвалямъ, не обошлось дѣло безъ эгоизма. Давно знаю я мнѣніе на счетъ службы моей на Кавказѣ, противное прежнему и замолкли порицанія, но въ первый разъ въ 24 года самому мнѣ упомянуто о ней великодушно и снисходительно. Я принялъ съ признательностію въ душѣ.

Мнѣ 74-й годъ, котораго не всѣ достигаютъ; давно благодарю смирившихъ во мнѣ демона честолюбія.

Представь мое поздравленіе княгинѣ Маріи Соломоновнѣ съ полученіемъ ордена. Ей, конечно, пріятно было изъявленіе глубокаго уваженія государя къ заслугамъ вашимъ. Награда эта нерѣдка между супругими людей, близко принадлежащихъ особѣ государя, какъ-то придворныхъ и генераль-адъютантовъ, но столько же необыкновенна между всѣми другими. Покажи кавалерственной дамѣ письмо мое и можетъ быть придетъ ей мысль написать нѣсколько строкъ старику, который былъ посаженнымъ отцомъ при замужествѣ молодой дѣвушки. Этимъ сдѣлаетъ она большое мнѣ одолженіе, въ особенности если просто и безъ пріветствій.

Теперь прошу обратить вниманіе къ собственному моему дѣлу.

Если вы вспомните, когда Щербининъ *), истинно благородный человекъ, оставивши минутно службу, былъ въ Москвѣ, съ нимъ познакомившись въ первый разъ, я слышалъ отъ него, что князь Михаилъ Семеновичъ имѣлъ намѣреніе взять Виктора моего къ себѣ въ адъютанты. Весьма лестнымъ казалось это мнѣ, но признаюсь, что столько же и невѣроятнымъ. Я говорилъ Щербинину, чтобы онъ отъ себя напомнилъ о томъ князю. Не разъ просилъ я князя о милостивомъ вниманіи къ моимъ дѣтямъ, но никогда слова не сказалъ, чтобы взялъ въ адъютанты: эти фигуры избираются по собственному желанію начальника. Щербининъ могъ забыть; князь могъ перемѣнить свое намѣреніе, въ чемъ долженъ я былъ увѣриться, ибо прошло уже не менѣе трехъ лѣтъ. Теперь Викторъ, хвастающій мнѣ расположеніемъ вашимъ, постоянно благосклоннымъ, пишетъ, что прибѣгнулъ къ вашему ходатайству и объ отзывѣ князя намѣстника, что это не согласно съ моимъ желаніемъ. Два года назадъ лично говорилъ я Виктору, чтобы всячески старался онъ о томъ, но что самому мнѣ о томъ просить неловко. Теперь вы можете, любезный старый сослуживецъ, это уладить, а мнѣ легко понять какъ велико будетъ счастье Виктора и какимъ будетъ побужденіемъ стараться быть его достойнымъ. Не откажите вашего ходатайства.

Чувства уваженія моего и преданности къ вамъ вездѣ одинаковы. Прощайте. Покорнѣйшій слуга Ермоловъ.

Сбоку приписано: Первымъ письмомъ начинаю новый годъ. Не ошибусь, пожелавши вамъ, чтобы таковымъ былъ какъ прошедшій. Поздравляю!

11.

Отъ 5 августа 1854 года.

Почтенный кн. Василій Осиповичъ. Письмо это представитъ тебѣ сынъ Павла Ивановича Петрова, давняго сослуживца нашего и тебѣ хорошо знакомаго.

Затруднительно было принять его въ службу, какъ ты писалъ мнѣ прежде, но теперь онъ имѣетъ увольненіе и полное право располагать собою, удовлетворяя желанію войти въ военную службу. Благоразумно поступилъ отецъ не противорѣча ему, и кто можетъ угадывать

*) Михаилъ Павловичъ Щербининъ, нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ; въ послѣдніе годы служенія на Кавказѣ былъ директоромъ канцеляріи намѣстника. Прибывъ въ этотъ край выѣстъ съ кн. М. С. Воронцовымъ и будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, Михаилъ Павловичъ оставилъ по себѣ на Кавказѣ завидную память какъ о весьма рѣдкомъ начальникѣ, а по своимъ благороднымъ качествамъ какъ о человекѣ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

предназначеніе человѣка? Быть можетъ это есть призваніе и путь, ему указываемый судьбою. Жаль если поврежденная нога будетъ ему затрудненіемъ, но въ ней боли онъ не чувствуетъ и удобно можетъ дѣйствовать верхомъ. Тебѣ, почтенный князь, какъ могущественному начальнику, легко пристроить его при себѣ, ибо войска всѣ, разящія враговъ нашихъ, въ твоемъ распоряженіи. Дай ему случай удовлетворить нетерпѣнію схватиться съ ними.

Давно носятъ здѣсь слухи о важной побѣдѣ, тобою одержанной. Не можетъ быть, чтобы не случилось чего-нибудь подобнаго. Въ побѣдѣ всѣ увѣрены, одинъ я сомнѣвающийся, чтобы турки имѣли глупость желать съ тобою встрѣтиться, развѣ въ оправданіе словъ Наполеона I: „*ces misérables trouvent toujours le moyen de se faire battre*“.

Какая была надобность искать срама при Баязетѣ? Не лучше ли было оставить его, не имѣвши средствъ защитить его?

По слухамъ не слишкомъ грозны были ополченія Врангеля. Нельзя не дать нѣкотораго сожалѣнія несчастнымъ глупцамъ, которыхъ ведетъ на гибель разная сволочь европейская. И противъ тебя направился одинъ мерзавецъ венгерскій, подкрашенный именемъ французскимъ (Guyon). Приступай эту гнусную каналью, искусно доселѣ скрывающуюся.

Не нравятся мнѣ Батумъ, особенно если въ немъ будутъ европейцы. Оттуда не одной можно ожидать мерзости, а у разбойниковъ притонъ безопасный...

Согласно съ мнѣніемъ Панглоса скажу: „Все прекрасно въ наилучшемъ мірѣ!“

Въ мои дѣла немногимъ дано разсуждать, а мнѣ и бредить позволительно.

Прощай, любезный князь, желаю вамъ всего по сердцу вашему. Искренно уважающій Ермоловъ.

12.

Отъ 10 августа 1854 года.

Всегда прося тебя за кого-нибудь, я говорю, если знаю его лично, или изъ отношенія людей коротко мнѣ знакомыхъ. Теперь пишу я о капитанѣ Казначеевѣ, служащемъ въ 8-мъ инженерномъ округѣ корпуса путей сообщенія на Кавказѣ. Желаніе молодого человѣка быть въ дѣйствующихъ войскахъ и современемъ выдти изъ инженеровъ. При войскахъ командуемыхъ тобою такой офицеръ можетъ быть тебѣ надобнымъ. Всѣхъ легче ты можешь потребовать его въ твой штабъ и употребить его. Онъ долженъ разумѣть свое дѣло, ибо занимаетъ мѣсто помощника начальника 1 отдѣленія. О немъ просилъ

меня написать тебѣ, по совѣту графа Закревскаго, отецъ его, долго бывший губернаторомъ таврическимъ, послѣ градоначальникомъ въ Одессѣ, давній адъютантъ кн. Михаила Семеновича, которому ты сдѣлаешь, конечно, большое весьма удовольствіе. Если бы не отсутствіе послѣдняго, я вѣрно не былъ бы избранъ ходатаемъ.

Вчера возвратился изъ-за границы мой Викторъ; въ Карлсбадѣ, предъ самымъ отъѣздомъ, онъ видѣлъ кн. Михаила Семеновича, котораго здоровье чрезвычайно поправилось и онъ увѣренъ еще въ болѣешемъ улучшеніи, особенно послѣ морскихъ ваннъ. О возвращеніи его на Кавказъ онъ ничего не говорилъ, но я увѣренъ, что онъ съ нимъ не разстанется, и не такъ трудно будетъ склонить его къ тому и у кого въ рукахъ приманка. Октябрь многое объяснить!

Прощай. Да будетъ Божіе благословеніе на успѣхъ! Совершенно почитающій Ермоловъ.

Р. С. Клавдія моего князь трактуетъ весьма милостиво, а по службѣ онъ не мало потерять можетъ. Спасибо графу Орлову, что доставилъ ему чинъ, какъ я узналъ впоследствии. Многіе у князя воспользовавшіеся милостями, одинъ Клавдій переведенъ въ гвардію съ пониженіемъ чина. Особеннаго рода благосклонное вниманіе!

13.

Отъ 19 августа 1854 года.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Въ бытность на короткое время въ Орлѣ, полученное письмо твое съ реляціею о послѣдней побѣдѣ, тобою одержанной, дождалось моего возвращенія, но уже въ Орлѣ были газеты, возвѣстившія о ней*). Извѣстно было также о наградѣ, всемилостивѣйше тебѣ пожалованной, во всякомъ случаѣ чрезвычайно лестной, въ чинѣ генераль-лейтенанта едва-ли бывалой! Отъ всей души поздравляю тебя съ нею. Нѣтъ сомнѣнія, что она произведетъ многихъ завистующихъ; но любя находить хорошую во всемъ сторону, увѣренъ я, что будетъ служить побужденіемъ къ предпріятіямъ, которыя въ продолженіи довольнонаго времени не имѣли мѣста. Жду хорошихъ послѣдствій, лишь бы пояснились обстоятельства и предательская политика не отсрочивала дѣйствій, на которыя, какъ видно, неохотно рѣшаются злонные противники. Впрочемъ невозможно сдѣлать ужасныхъ издержекъ, не имѣвши обдуманнаго намѣренія. Англія прибѣгла къ займу; Франція его уже повторила. Итакъ, готовься, любезный князь, дать не одинъ еще урокъ несчастнымъ туркамъ, которыхъ англичане провождаютъ на убой, умѣвши увѣрить глупцовъ,

*) Рѣчь идетъ о Кюрук-даринскомъ сраженіи.

что они регулярныя войска, могущія противустать побѣдоноснымъ арміямъ.

Недавно писалъ я тебѣ, прося отколотить венгерскаго мерзавца, подкрашеннаго французскимъ именемъ (Guyon), который игралъ важную роль въ азійско-турецкой арміи, но какъ теперь видно, онъ ускользнулъ отъ тебя, о чемъ жалѣю чрезвычайно. Впрочемъ не теряю надежды, что попадется.

Недавно возвратился изъ-заграницы мой Викторъ, видѣлъ въ Карлсбадѣ кн. Михаила Семеновича, котораго здоровье чрезвычайно поправилось. Послѣ водъ въ Шлангенбадѣ и купанья въ Остенде, онъ безъ сомнѣнія будетъ молодцомъ и возвратится въ свои великолѣпныя помѣстья Кіевской губерніи, вѣроятно, на короткое время.

Жаль мнѣ очень, что князь ничего не сдѣлалъ что обѣщалъ мнѣ. Сопровождаетъ его Клавдій, одинъ изъ множества разнородныхъ его адъютантовъ и долженъ потерять по службѣ болѣе всѣхъ и чего князь, при всемъ могуществѣ, не въ состояніи будетъ вознаградить ему. Князь писалъ мнѣ, что возвратитъ его къ войскамъ, предводительствуемымъ вами, прежде нежели начнутъ дѣйствія весною. Я благодарилъ князя за доставленную ему честь проводить его и мнѣ казалось удивительнымъ, что ни одинъ изъ адъютантовъ, несравненно болѣе облагодѣтельствованныхъ, не почелъ обязанностію того сдѣлать. Выѣздъ князя, непреставшаго быть, могущественнымъ начальникомъ, похожъ былъ на мой выѣздъ, примѣчательный по роду своему. Итакъ, если продолжится война и турки не избѣгутъ участи быть всегда битыми, позвольте мнѣ надѣяться, что мой Клавдій будетъ имѣть честь находиться при васъ, какъ то, любезный князь, вы прежде сами мнѣ обѣщали. Желаю вамъ продолженія блистательныхъ вашихъ успѣховъ во славу Царя нашего и побѣдоноснаго его оружія. Искренно уважающій Ермоловъ.

14.

Отъ 8 ноября 1854 г.

Получилъ письмо ваше, почтенный князь Василій Осиповичъ, отъ 6 октября, необычайно долго бывшее въ пути и тѣмъ для меня досаднѣе, что умедлена искренняя благодарность моя за вниманіе, обращенное вами на всѣ мои просьбы. Я увѣренъ, что не легко отказать вамъ, если пожелаете имѣть при вашемъ корпусѣ инженера путей сообщенія Казначеева. Вы сдѣлаете милость молодому Петрову и величайшее одолженіе отцу его, если пристроите его къ себѣ. (Это собственныя слова ваши).

• Не безъ робости наношу перо, рѣшаясь назвать по прежнему

собственностью Андреевскаго кавалера. Никто не вправѣ воспретить мнѣ нѣкоторое чувство гордости. Это, конечно, единственный случай, могущій возбудить завидующихъ мнѣ.

Совсѣмъ неожиданнымъ образомъ узналъ я, что князь Михайлъ Семеновичъ просилъ настоятельно объ увольненіи его отъ занимаемыхъ имъ должностей. Съ письмомъ императору былъ Клавдій присланъ въ Петербургъ и возвратился въ Дрезденъ съ высочайшимъ рескриптомъ, весьма милостивымъ. Должно быть, здоровье князя сильно разстроено, что онъ рѣшился это сдѣлать. Много потерялъ Клавдій, его сопровождая и зачѣмъ могъ онъ быть ему надобнымъ? Онъ писалъ мнѣ, что прибывъ въ деревню, его отпустить, и что онъ возвратится прежде начатія военныхъ дѣйствій; что васъ просилъ онъ взять его къ себѣ. Вы до возвращенія Клавдія изъ Персіи мнѣ писали, что возьмете его, какъ извѣстнаго вамъ и къ которому вы милостиво были всегда расположены. Я однако-же благодарилъ князя. Вышло все иначе, и Клавдій потерялъ чрезвычайно много. Теперь не знаю, что съ нимъ будетъ, развѣ будетъ онъ такъ счастливъ, что попадетъ въ батарею, находящуюся въ вашемъ корпусѣ. Для этого довольно одного слова вашего генералу Бриммеру. Впрочемъ, любезный князь, вы лучше меня знаете, что изъ него сдѣлать и да будетъ по волѣ вашей. Я жалѣлъ бы и о постороннемъ человѣкѣ, такъ неудачно служившемъ при его свѣтлости. Неужели всѣхъ вообще адъютантовъ былъ онъ хуже; одинъ изъ всѣхъ переведенный въ гвардію съ уменьшеніемъ чина? Благодаря графу Орлову, это поправлено, но князю отнюдь не принадлежитъ моя благодарность. Можетъ быть, теперь вспомнитъ князь, нѣсколько со мною поравнявшись!

Прощайте почтенный князь, да благословитъ васъ Богъ на продолженіе славнаго служенія вашего отечеству и Царю. Душевно преданный Ермоловъ.

15.

Отъ 8 іюля 1855 г.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Знаю, что у васъ мало свободнаго времени, но столько можно найти, чтобы сказать нѣсколько словъ о себѣ. О происшествіяхъ важныхъ и только съ вашей стороны радостныхъ мы читаемъ въ журналахъ. Вамъ сообщить новостей не имѣлъ и не могъ бы, ибо третій мѣсяцъ больному мнѣ рѣдко позволяютъ видѣть кого-нибудь, а писать не иначе какъ іероглифами. Молва не щадила меня, разбивала меня параличемъ и не разъ хоронила. Мнѣ ни разу въ жизни не случилось завидовать старику 78 лѣтъ. Извѣстныя знаменитости наши прежнихъ временъ, сколько можетъ обнимать память моя, не доживали столько позднихъ лѣтъ. Въ

число таковыхъ не влючалъ я фельдмаршаловъ князя Прозоровскаго и графа Гудовича; равно не влючаю нынѣ существующаго, въ этомъ высокомъ санѣ единственнаго, который, кажется, не грозитъ уже врагамъ нашимъ.

Недавно видѣлъ я генераль-маіора Петрова, отличнаго офицера, служившаго при мнѣ на кавказской линіи и послѣ начальникомъ штаба Алек. Александр. Вельяминова. Не могу выразить вамъ, сколько признателенъ онъ за милостивое вниманіе ваше къ его сыну, пошедшему въ военную службу изъ титулярнаго совѣтника въ нижегородскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Продолжите ему ваше покровительство и замолвите слово кн. Дундукову-Корсакову. Онъ достоинъ этого. Я хорошо знаю его и давно.

Письмо мое представить вамъ знакомый полковникъ Арцруни *). Не имѣя обстоятельныхъ свѣдѣній о потерѣ его отъ пожара его каравансарая, почитаетъ ее значительною и поспѣшаетъ лично въ томъ удостовѣриться, ибо въ томъ заключается главнѣйшая часть его доходовъ. Мнѣ легко ходатайствовать за него передъ вами, ибо ничего другого не просить онъ, кромѣ законной защиты и справедливости, а въ управленіи вашемъ иначе это быть не можетъ. Прежде былъ слухъ, что сгорѣли всѣ старыя ряды и тогда онъ подвергся бы общему бѣдствію, но я не вижу причины сдѣлать ему предпочтеніе предъ другими и сжечь его одного. Здѣсь подозрѣвали поджогъ, но по слухамъ изъ Тифлиса его нѣтъ: знаютъ про то пиршіе.

Я понемногу поправляюсь, на дачѣ выстроилъ себѣ клѣтку темную, куда не впускаю мухъ, слѣдовательно удалилъ отъ себя ближайшихъ знакомыхъ; укрываюсь отъ жару и живу благополучно. Все хорошо, а тамъ что будетъ—вольны боги! (Изъ Дениса Давыдова).

Прощайте, любезный князь Василій Осиповичъ, да счастье сопровождаетъ васъ по желанію вашему! Искренно уважающій Ермоловъ.

16.

Отъ 19 сентября 1855 года.

Очень радъ былъ, получивши письмо ваше, почтенный князь Василій Осиповичъ, отъ 26 августа. Не подумайте, чтобы упрекалъ вамъ, что рѣдко пишете. Знаю, что у васъ мало, а можетъ быть и совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени и потому довольствуюсь распросами у прѣзжихъ съ Кавказа. Первые слова объ васъ, ибо нѣтъ у меня болѣе короткаго знакомаго, и отзвыи вообще самыя пріятныя. Затѣмъ весьма уже мало осталось людей, кому я извѣстенъ. Военныя дѣла ваши

*) Нынѣ ген.-маіоръ и въ отставкѣ.

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. V. 1872 г. МАРТЬ.

идутъ хорошо, сколько извѣстно мнѣ изъ официальныхъ бумагъ, ибо Николаю Николаевичу *) также некогда писать. Жаль, что позднее время года въ той мѣстности большимъ будетъ препятствіемъ.

Иностранныя газеты напускаютъ на него Омера-пашу съ турецкими войсками, находящимися въ Крыму, чему я не вѣрю, ибо сомнительно, чтобы рѣшился онъ на то съ гнусными его войсками, которыхъ союзники, при осадѣ Севастополя, употребляли какъ вьючный скотъ. Самъ же Омеръ-паша выказалъ себя съ начала войны хитрѣйшимъ и искуснѣйшимъ генераломъ всѣхъ сражающихся армій, не исключая великаго и единственнаго російскаго фельдмаршала **). Силистрія, кажется, заключила знаменитые его подвиги.

Теперь вы знаете уже всѣ подробности объ оставленіи Севастополя. Надняхъ ожидаемъ обстоятельное донесеніе о послѣднемъ штурмѣ и потерѣ нашей, которая, конечно, не выше третьей доли того, что потеряли союзники.

Изъ всего видно, что въ Петербургѣ предупреждены были объ оставленіи Севастополя и это объясняется тѣмъ, что 15 числа мостъ на сѣверную сторону былъ построенъ и освященъ, а 27 числа отраженъ былъ штурмъ. Для насъ было это происшествіемъ внезапнымъ и всѣхъ до того поразившимъ, что мы не могли понять хитраго соображенія главнокомандующаго и непріятель почти два дня не осмѣлился войти въ городъ, боясь найти себя минированнымъ. Совсѣмъ нѣтъ, и даже Корнилова редутъ, главный пунктъ, на который устремлены были всѣ усилія, не нашелъ онъ нужнымъ минировать. Жестоко обмануть былъ непріятель и мы отступленіе признаемъ за высокое весьма соображеніе военное. Я по старости лѣтъ моихъ многого уже не разумѣю. Надѣются, что князю Горчакову продолжено будетъ командованіе. Скажу, какъ малороссіянинъ: знаютъ про то пиршіе!

Благодарю, любезный князь Василій Осиповичъ, за увѣдомленіе о Клавдіи. Истребляетъ бѣднаго моего Клавдія жестокая болѣзнь его. Сближается холодное время, въ возвышенностяхъ Карса чувствительное.

Скажу о себѣ: четыре уже мѣсяца продолжается три раза возобновлявшаяся лихорадка. Она оставила меня наконецъ, но съ такою слабостію въ ногахъ, что по комнатамъ не могъ я ходить безъ пособія, о лѣстницахъ же и помышлять не смѣлъ, почему и не имѣлъ счастья видѣть Государя.

Маршрутъ его былъ на Варшаву, но здѣсь перемѣнили направле-

*) Муравьевъ.

***) Паскевичъ.

нѣ на Николаевъ. Камія предначертаны будутъ дѣйствіа князю Горчакову, никому неизвѣстна. Пеленосъ, новый маршалъ, перевоза войска въ Евпаторію, кажется, не хочетъ быть враздѣльнымъ и жаждетъ славы сразиться съ знаменитымъ противникомъ шюма высокой нашего и другихъ государствъ фельдмаршала.

Прощай, почтенный князь, нѣкогда сослуживецъ. Въ чувствахъ моихъ увѣренія излишни. Искренно преданный Ермоловъ.

Сбоку приписано: Благодарю за юнкера Петрова и что поручилъ его покровительству князя Дундукова-Корсакова.

P. S. Примите, почтенный князь, мою покорнѣйшую просьбу позволить мнѣ письма мои къ Клавдію адресовать въ вашъ штабъ. Съ этою почтою есть уже такое письмо, которое прикажите себѣ представить. Другого средства доставлять я не имѣю. Ермоловъ.

17.

Отъ 6 октября 1855 года.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Изъ малаго числа оставшихся на Кавказѣ знающихъ меня, ни къ кому кромѣ васъ, нѣкогда мнѣ близкому по службѣ, не обращусь я съ болѣею увѣренностію, что просьба старика не будетъ оставлена безъ вниманія. Это предисловіе не повторится уже болѣе и впредь, любезному князю Василю Осиповичу, буду я просто объяснять просьбы мои.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Мнѣ нужно пересылать деньги на содержаніе Клавдія и я часто весьма не знаю мѣста его пребыванія въ кочующей его жизни, которой и чрезвычайно радъ, ибо знакомить его съ краемъ и дѣлами. Эта фигура пользовалась нѣкогда вашимъ особеннымъ благоволеніемъ, во время командованія вашего въ Дагестанѣ. Случается также доставлять деньги живущей въ селеніи Гили дочери моей Софіи, что вы, любезный князь, не разъ дѣлали въ одолженіе меня.

Вскорѣ повѣренный мануфактуръ-совѣтника г-на Ананова представитъ вамъ кредитными билетами 600 руб. для Клавдія и особенно 500 руб. для Софіи съ матерью. Прикажете отослать ихъ и написать генераль-лейтенанту князю Орбеліани *), чтобы доставилъ Софіи 300 р., а 200 руб. матери. Я самъ буду писать ему, если только дойдетъ письмо. Я любилъ этого вождя, зная его въ полку у покойнаго брата Петра Николаевича подпрапорщикомъ подъ именемъ Гриши. Заструдинительно. сношеніе съ нимъ и потому рѣшился васъ беспокоить.

*) Кн. Григорій Дмитриевичъ Орбеліани, нынѣ ген.-отъ-инфантеріи и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ 1855 году кн. Григорій Дмитриевичъ временно командовалъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.

Начинаю очевидно поправляться послѣ продолжительной и опасной болѣзни моею, угрожавшей тифомъ, но во время пребыванія здѣсь Государя не имѣлъ силъ представиться ему и не видѣлъ.

Прощайте, почтенный князь; желаю все по сердцу вашему. Искренно уважающій Ермоловъ *).

18.

Отъ 28 іюня 1856 г.

Почтенный князь Василій Осиповичъ. Глазъ мой поправляется, но не помогаетъ здоровому и потому не могу продолжать самъ.

Искренно благодарю за приведеніе въ порядокъ дѣлъ больного моего Клавдія. Изъ штаба доставлена ему бумага, свидѣтельствующая, что ему дано порученіе и до исполненія его онъ долженъ оставаться въ Москвѣ; доставлено также и жалованье. Сомнѣніе мое въ благосклонномъ взглядѣ на Клавдія происходило отъ того, что самъ Николай Николаевичъ писалъ мнѣ, что онъ, не сказавши ему ни слова, искалъ переимѣнить службу. Этого не было ни въ моемъ, ни въ его помысленіи, но увидѣлъ я необходимость внимательнаго и продолжительнаго леченія въ другомъ климатѣ, по приговору докторовъ и я искалъ помѣстить его при генералѣ неподвижномъ, каковымъ былъ князь Меншиковъ, и Клавдій могъ лечиться здѣсь подъ моими глазами. Напрасно приписываютъ Клавдію разглашенія на счетъ его начальника: это не въ его правилахъ, когда онъ молчалъ даже о князѣ Воронцовѣ. Многихъ видѣлъ я проѣзжихъ съ Кавказа, были между ними и не воспѣвавшіе хвалебныхъ пѣсней, чего не слыхивалъ я отъ Клавдія. Итакъ, не могу не жалѣть, если Николай Николаевичъ не благоволитъ къ нему, но въ этомъ будетъ не много справедливости. Меня увѣдомлялъ Николай Николаевичъ, что онъ надѣется быть на коронаціи. Михаилъ Николаевичъ ничѣмъ не пояснилъ сдѣланные мною ему вопросы и даже о приглашеніи брата его на коронацію.

Ожидаю, почтенный князь, и васъ видѣть въ Москвѣ во время торжествъ коронаціи; мирное повсюду состояніе вѣроятно не положить тому препятствія и мнѣ пріятно будетъ видѣть давняго сослуживца въ сонмѣ отличныхъ мужей нынѣшняго времени. Вашимъ успѣхамъ многіе изъ нихъ справедливо позавидуютъ. Обремененныхъ побѣдами, кажется, не будетъ; впрочемъ я мало что знаю и едва ли не столько же мало понимаю по старости лѣтъ моихъ.

*) О военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ въ концѣ 1854 г. и въ 1855 году, и о славномъ участіи въ нихъ одного изъ сыновей Алексѣя Петровича — Клавдія Ермолова, а также въ кровавомъ штурмѣ крѣпости Карса, см. «Записки генерала Бакланова» въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., т. II, стр. 567—610.
Ред.

Здѣсь пронесся слухъ, что Карсъ взорванъ, призважи меня о томъ уведомить.

Прощай, любезнѣйшій князь, желаю отъ души всего тебѣ лучшаго.
Преданный Ермоловъ.

19.

Отъ февраля 1857 г.

Давно долженъ я былъ благодарить васъ, почтенный князь Василій Осиповичъ, за присланный журналъ „Кавказъ“, но несвободный почеркъ руки изобличаетъ, что не вполне помогаетъ мнѣ глазъ и я берусь за перо не безъ труда. Впрочемъ вы собирались быть въ Петербургѣ и я ожидалъ проѣзда чрезъ Москву передъ новымъ годомъ. Вышло къ сожалѣнiю не такъ, но немалою радостiю для меня поправилъ это первый день года производствомъ васъ въ полные генералы, съ сохраненiемъ должностей, неразлучающихъ васъ съ родиною.

Теперь, благодаря вамъ, есть у меня и Кавказскiй календарь и съ нимъ прiятное извѣстiе о помолвкѣ дочери вашей съ полковникомъ Гурiели (*). Бывши здѣсь на коронаціи, онъ два раза посѣтилъ меня, и съ нимъ былъ молодой человекъ Накашидзе. Не въ привѣтствiе вамъ скажу по истинѣ, что онъ чрезвычайно понравился, что не трудно было ему замѣтить по моему съ нимъ обращенiю. Помню даже его весьма интересную наружность и манеры европейца. Это всё не лишнее и могу поздравить княгиню съ выборомъ семьянина. Я увѣренъ, что и она затруднилась бы назвать мнѣ другого подобнаго. Помню, какъ я былъ на ея свадьбѣ и утѣшаю себя воображенiемъ, что присутствую на свадьбѣ дочери, желая всѣхъ благъ счастливымъ родителямъ.

Едва успѣлъ кончить; нанизываю какъ бисеръ каждую изъ буквъ.

Прощайте, любезный князь; да сопровождаютъ васъ всѣ блага.
Искренно почитающiй Ермоловъ.

20.

Отъ 24 ноября 24 (1857?) г.

Часто имѣю объ васъ, почтенный князь Василій Осиповичъ, извѣстiя, спрашивая проѣзжихъ и отъ живущихъ здѣсь, имѣющихъ сношенiя. Самъ давно не писалъ, не находя прiятнымъ уведомленiе о болѣзни старика, переступившаго уже за половину 80-го года. Ноги мои въ явномъ неповиновенiи, но осталось еще нѣчто похожее на человекъ. Простой мужикъ возвратилъ зрѣнiе глазу, пораженному въ

*) Нынѣ ген.-маiоръ.

нервъ ударомъ, силою удивительнаго магнетизма. Предо мною была стѣна, обтянутая чернымъ, и тусклый свѣтъ оскорблялъ больной глазъ, теперь не безъ затрудненія, но вотъ сколько написать могъ.

Прощайте, любезный князь; будьте здоровы, и желаю вамъ всего наилучшаго. Искренно уважающій Ермоловъ.

Р. С. Съ 1-го января подпишитесь именемъ моимъ на журналъ „Кавказъ“.

Ад. П. Верше.

